

ВСАДНИЧЕСКАЯ *COHORTS AMICORUM* В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ РАННЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

© 2022

Телепень С.В.

Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина
(г. Мозырь, Гомельская область, Республика Беларусь)

Аннотация. В статье анализируется *cohors amicorum* («когорта друзей») как один из институтов социальной организации и политической системы ранней Римской империи. На основе изучения, главным образом, литературных источников исследуется происхождение данного института и его роль в укреплении социальных позиций эквитов, то есть римского всадничества. Аргументируется неоднозначность понятия *cohors amicorum*, которое рассматривается в связи с анализом таких понятий, как *amici* («друзья») и *comites* («спутники») принцепса, а также *amicitia* («дружба») в их специфическом римском смысле. В статье обосновывается во многом неформальный характер *cohors amicorum*, обусловленный специфической системой социальных связей в период принципата. Данная система не предполагала формализации всех форм общественной жизни, так как базировалась на полисных традициях. По итогам исследования делается вывод, что в ранней Римской империи сложились, лишь частично формализовавшись, кланы и группировки, в которых пересекались сложные отношения, не сводимые к их официальному выражению. Принцип личной и моральной (в римском смысле) ответственности обуславливал выполнение всеми сторонами *amicitia* традиционных обязанностей, в связи с чем члены *cohors amicorum* имели возможность укрепить свой социальный статус, что в период принципата было наиболее актуальным именно для эквитов, поэтапно становившихся главным кадровым ресурсом принцепсов.

Ключевые слова: Римская империя; принцепс; принципат; эквиты (всадники); сенаторы; *cohors amicorum*; социальная организация; традиционные связи; статус; карьера.

EQUESTRIAN *COHORTS AMICORUM* IN THE SYSTEM OF SOCIAL TIES IN THE EARLY ROMAN EMPIRE

© 2022

Telepen S.V.

Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin (Mozyr, Gomel Region, Republic of Belarus)

Abstract. The paper analyzes *cohors amicorum* («cohort of friends») as one of the institutions of social organization and political system of the early Roman Empire. Based on the study of mainly literary sources, the origin of this institution and its role in strengthening the social positions of the equites, that is, Roman horsemanship, are investigated. The ambiguity of the concept of *cohors amicorum* is argued, which is considered in connection with the analysis of such concepts as *amici* («friends») and *comites* («companions») of the princeps, as well as *amicitia* («friendship») in their specific Roman sense. The paper substantiates a largely informal nature of the *cohors amicorum*, which was determined by a specific system of social ties during the period of the Principate. This system did not imply the formalization of all forms of social life, as it was based on polis traditions. Based on the results of the study, it is concluded that in the early Roman Empire, clans and groups formed, only partially formalized, where complex relations intersected, not reducible to their official forms. The principle of personal and moral (in the Roman sense) responsibility determined the fulfillment by all parties of *amicitia* of traditional duties, in connection with which the members of the *cohors amicorum* had the opportunity to strengthen their social status, which during the period of the Principate was most relevant for the equites, who gradually became the main personnel resource of the princeps.

Keywords: the Roman Empire; princeps; Principate; equites (knights); senators; *cohors amicorum*; social organization; traditional ties; status; career.

Период принципата в истории Древнего Рима ознаменовался становлением системы, по выражению Я.Ю. Межерицкого, «республиканской монархии» [1, с. 120]. Многие институты республиканского времени с установлением единовластия Цезаря Августа никуда не исчезли. Они были приспособлены к задачам государственного управления фактической монархии принцепсов. Среди этих институтов многие, как и в предшествующий период римской истории, были относительно мало формализованы. В первую очередь это относится к специфически римской *amicitia*. Понятие традиционно переводится как «дружба», но надо учитывать, что в контексте римской

действительности речь здесь в большинстве случаев должна идти не о максимально неформальных отношениях на основе эмпатии, вроде тех отношений, которые связывали Горация, Вергилия и Квинтилия Вара (Ног. *Carm.* I. 24), но (чаще всего) об одном из институтов политико-административной системы Рима.

Поскольку созданный Августом режим принципата во многом основывался на полководческом авторитете главы государства, делегировавшего свою военную власть легатам и другим доверенным лицам, *fides* («верность»), ставшая одной из идеологем императорского времени [2, с. 129], особенно цени-

лась и, при ее наличии у претендента на важную должность, являлась важнейшим основанием для принятия императором кадрового решения. Если при этом у претендента были влиятельные *amici* («друзья»), то дело двигалось намного быстрее (см. ниже). Особенно же блестящие перспективы сулило пребывание в кругу *amici* самого императора.

Как известно, с началом принципата прежде всего менялась роль эквитов. Их значение в качестве кадрового ресурса быстро возрастает. Теперь для эквитов становятся доступными всё более высокие и важные должности как в центральном аппарате управления, так и в местной провинциальной администрации, а также в войске [3, с. 108–109; 4, с. 524–525]. При этом, верные традициям корпоративных связей, некоторые из них сочетали занятие постов со всемерной поддержкой общин, из которых они происходили [5, р. 74]. Так, всадник Марк Веттий Марцелл был известен не только своим прокураторством во Фракии, но и пожертвованием, которое он сделал своей родному городку Теате (в Самниуме) (*CIL* IX. 3019; *Plin. Mai. N.H.* II. 199; XVII. 245). Подобным же благодеянием известен префект вигилов, а затем командир преторанцев эквит по имени Квинт Невий Суторий Макрон, построивший амфитеатр в своем родном городке Альба-Фуценс (центральная Италия) (*Tac. Ann.* VI. 15; *AE* 1957. 250; *Suet. Cal.* 23. 3).

Был, однако, и для эквитов способ участвовать в общественных делах, не появляясь на авансцене. Этот способ состоял в том, чтобы оставаться в избранной группе «друзей» императора, его свите [6, р. 110–111; 7, р. 59–60; 8, с. 180]. Разумеется, данное понятие – «друзья» – было достаточно расплывчатым, чтобы в нем можно было увидеть указание на точный характер связей, соединявших официального лидера, т.е. принцепса или какого-либо из его генералов, и подобных *amici*. Несомненно, данного рода связи сыграли фундаментальную роль в политической борьбе в Римской республике I в. до н.э. [9, р. 35; 10, р. 217–218]. Опираясь на «друзей», такие политические деятели, как, например, Марий, Сулла, Помпей или Цезарь, имели возможность более свободно распоряжаться кадровым ресурсом, для которого сенаторов зачастую просто не хватало, в том числе в качестве толковых советников. И закономерно, что традиция не исчезла с установлением принципата, но была перенесена прежде всего (но не только) на личность принцепса, окружившему себя «друзьями» из числа как сенаторов, так и всадников (*Ovid. Ex Ponto* I. 7. 20–22).

С. Демужен допускает, что в круг *amici* входили не только эквиты и некоторые сенаторы, но также отдельные выходцы из греческого Востока, не принадлежавшие к высшим римским *ordines* [11, р. 744]. Однако Ф. Миллар достаточно давно показал, что греки, находясь вне традиционных связей римской *civitas*, не могли обладать таким статусом, даже будучи доверенными лицами императора и его семьи [5, р. 166]. Друзья (в частном смысле этого слова) пользовались преимуществом как малой аудиенции (*prima admissio*), так и большой аудиенции (*secunda admissio*) (*Sen. De benefic.* VI. 34. 2; *De clem.* I. 10. 1; *Suet. Tib.* 46), но главное – они входили в непосред-

ственное окружение принцепса. Причем формальный статус здесь имел лишь относительное значение: эквит в качестве близкого друга мог быть ближе к принцепсу, чем, например, сенатор. Такая связь не всегда была стабильной – ее могла разрушить опала, и в целом дружба с принцепсом иногда была сопряжена с определенным риском. Причиной было то, что император обращался к своим друзьям за мнениями и советами, которые могли повлиять на его собственные решения. *Amicus* должен был давать советы принцепсу – это было даже его долгом. Доверенными императорскими советниками были всадники Меценат, а затем Саллюстий Крисп (внучатый племянник знаменитого писателя), чья реальная власть, вероятно, значительно превосходила власть наиболее влиятельных консуляров (*Tac. Ann.* III. 30).

Amici были не только частным кругом принцепса или неофициальным советом [6, р. 29]. Уже в период правления Августа это звание получили высшие государственные служащие: направлявшиеся к ним послания обозначали адресата словом *amicus* [5, р. 115; 6, р. 23; 12, р. 294–296]. Правда, трудно было установить границу между лицами, являвшимися реально близкими принцепсу и, таким образом, имевшими неформальное влияние на него, и *amici* «по должности», составлявшими *consilium* из тех лиц, которые обладали властью в качестве магистратов римского народа или администраторов и императорских порученцев высшего ранга.

К первой категории (*amici*, составлявшие ближний круг доверенных советников) мы должны отнести Квинта Деллия, сопровождавшего Марка Антония на Восток и якобы поспособствовавшего сближению этого полководца с Клеопатрой (*Plut. Ant.* 25). Правда, точный статус Деллия (всадник или сенатор) неизвестен, однако в парфянском походе Марка Антония он участвовал в качестве легата (*Strabo* XI. 13. 3: *ἡγεμονίαν ἔχων*). К этой же категории следует отнести первых сторонников и советников Октавиана, окружавших его еще в тяжелые годы гражданской войны и затем сохранивших данный статус [13, р. 385].

Во вторую группу императорских *amici* надо отнести высших должностных лиц. Первым принцепсом, который привел в свой совет людей, не являющихся его личными друзьями, был Тиберий, который явно тяготел к видимости республиканских порядков: *Super ueteres amico ac familiares uiginti sibi e numero principum ciuitatis depoposcerat uelut consiliarios in negotiis publicis* (*Suet. Tib.* 55. 1) – «Вдобавок к старым друзьям и приближенным он взял советниками в государственных делах двадцать человек из первых граждан Рима» (пер. М.Л. Гаспарова). В дальнейшем различие между советниками из числа доверенных лиц императора и такими «приписными» членами, а также чинами, входившими в императорский *consilium* по должности, было сохранено и, возможно, каким-то образом оформлено. На это указывает открытая в 1957 г. бронзовая таблица из Баназы (Марокко), датируемая 177 г. (*AE*. 1971. 534). Разница между *amici* и *consilarii* отмечается также для эпохи Северов: в некоторых документах этого времени можно прочесть о том, что император окру-

жен своими «друзьями» и «советниками» (AE. 1947. 182) (см. также [5, p. 121]).

Однако в I в. еще не было такой жесткой и закрытой организации совета принцепса, какой она установится в последующие века. При Юлиях-Клавдиях и Флавиях само слово *amicus* еще не стало официальным обозначением члена императорского совета [11, p. 748]. Более того, говоря о «друзьях» императора или членов императорской семьи, Тацит, например, настаивает на личных, а не институциональных связях, объединяющих этих людей. Так обстоит дело со всадником Крепереем Галлом, «приближенным» Агриппины, по отношению к которому Тацит сообщает: *Duobus e numero familiarium Agrippinam comitantibus* (Tac. Ann. XIV. 5) – «Вместе с Агриппиной на нем (на корабле. – С.Т.) находились только двое из ее приближенных» (пер. А.С. Бобовича). Об эквите Клавдии Сенеционе читаем у того же автора: *Ex quibus Senecio, e praecipua familiaritate Neronis* (Tac. Ann. XV. 50) – «Из них Сенецион некогда был близким другом Нерона» (пер. А.С. Бобовича). Подобное же известно о префекте претория (всадническая должность) Лицинии Прокуле: *Adiungitur Licinius Proculus, intima familiaritate Othonis suspectus consilia eius fovisse* (Tac. Hist. I. 46) – «Лициния Прокула, близкого друга Отона, который, скорее всего, помогал ему» (пер. Г.С. Кнабе).

Поэтапное оформление той категории *amici* принцепса, которые по своему положению внешне напоминают личных клиентов императора, вело к возникновению условной *cohors amicorum* (т.е. «когорты друзей»), составлявшей сообщество *comites* («спутников»). Принцепса во всех путешествиях сопровождали такие *comites*, которые, собственно, и образовывали полуофициальную *cohors amicorum* [6, p. 25]. В тех случаях, когда он отказывался от такого эскорта, это вызывало удивление окружающих. Так было во время отбытия Тиберия в Кампанию, предвещавшего его дальнейший переезд на Капри. За Тиберием тогда последовало лишь несколько родственников: *profectio arto comitatu fuit* (Tac. Ann. IV. 58) – т.е. «отбыл... с немногими приближенными», как это место, исходя из контекста, перевел А.С. Бобович.

Т. Моммзен утверждал, что звание *comes* императора в период принципата было неофициальным [14, s. 120–131]. Однако Х.-Г. Пфлаум доказал, что это не совсем так: имела тенденция к формализации статуса, который, однако, в условиях неизжитых полисных традиций не мог быть оформлен окончательно в первые два столетия Империи. В *cohors amicorum* в период принципата были главным образом всадники, которые, вопреки мнению Моммзена, видимо, имели право на полуофициальный титул *comes* [15, p. 107–108]. Так, Тит Юлий Папп был *comes* Тиберия Цезаря Августа (AE. 1960. 26).

На тенденцию к формализации статуса *comites* может указывать денежное вознаграждение, полагавшееся «спутникам» императора. Светоний пишет, что Тиберий по причине своей скупости не хотел платить жалования своим *comites*: *Pecuniae parcus ac tenax comites peregrinationum expeditionumque numquam salario, cibariis tantum sustentavit* (Suet. Tib. 46. 2) – «На деньги он был бережлив и скуп. Спутникам своим в походах и поездках он давал пропитание, но жалованья не платил» (пер. М.Л. Гаспарова).

Сопровождение императора или кого-либо из его фамилии могло иметь и другие преимущества, что делало исполнение полуофициальных обязанностей *comes* императора весьма желательными для соискателей и претендентов на высшие всаднические посты [16, p. 5–7]. Ряд рекомендательных писем в стихах, составленных Горацием, близким дому императора, показывает, как формировался *cohors amicorum*. Так было, когда Тиберий Клавдий Нерон в 20 г. до н.э. готовился к поездке на Восток и ему было необходимо собрать подобающих спутников. В этом случае Гораций горячо порекомендовал своего друга Септимия, о котором поэт пишет: *Septimius... nimirum intellegit unus, / quanti me facias; nam cum rogat et prece cogit, / scilicet ut tibi se laudare et tradere coner, / dignum mente domoque legentis honesta Neronis* (Hor. Ep. I. 9. 1–4) – «Септимий один, без сомнения, понял, насколько / Ты меня ценишь: ведь если он просит меня неотступно / Именно, чтоб тебе указать на него с похвалой, / Как на достойного быть в числе приближенных Нерона» (пер. Н.С. Гинцбурга). Судя по тому, что в 42 г. до н.э. этот Септимий был военным трибуном, наиболее вероятно, что он принадлежал всадническому сословию [17, p. 93]. Несколько раньше Септимий, был среди *amici* Августа. Это видно из письма последнего Горацию: *Tui qualem habeam memoriam, poteris ex Septimio quoque nostro audire; nam incidit ut illo coram fieret a me tui mentio* (Suet. Vit. Hor. 4) – «Как я о тебе помню, можешь услышать и от нашего Септимия, ибо мне случилось при нем высказывать мое мнение о тебе» (пер. М.Л. Гаспарова). То есть можно говорить о длительном характере фактической службы в качестве *comes*.

Р. Сайм связывает описанное поведение Горация с общепринятой римской практикой покровительства в рамках неформальных связей [18, p. 153]. Однако для нас также интересно, что поэт сообщает о характере деятельности императорских *comites*. Дело явно не сводилось к обязанностям по охране особы принцепса. В другом своем стихотворном послании поэт упоминает Альбинована Цельза. О последнем говорится: *comiti scribaeque Neronis* (Hor. Ep. I. 8. 13–14) – «писцу в провожатых Нерона» (подразумевается император Тиберий). Поэт просит музу спросить Цельза: *Post haec, ut ualeat, quo pacto rem gerat et se, / ut placeat iuueni, percontare, utque cohorti* – «Как поживает, его расспроси, как справляется с делом, / Как и с собою; и как он с Тиберием ладит, с когортой?» (пер. Н.С. Гинцбурга). Наконец, обязанности участника *cohors amicorum*, с учетом ее укомплектованности людьми достаточно образованными, могла заключаться в прославлении правителя. Так, Гораций упоминает поэта Юлия Флора (*PIR*² I 316), взятого в свиту императора, чтобы наряду с другими ее членами прославлять деяния вождя и благодетеля: *Quid studiose cohors operum struit? Hoc quoque curo / Quis sibi res gestas Augusti scribere sumit?* (Hor. Ep. I. 3. 6–7) – «Хочется знать, что за труд замышляет когорта ученых: / Кто же из вас описать все деяния Августа взялся?» (пер. Н.С. Гинцбурга).

Всадническая *cohors amicorum* сопровождала не только принцепса, но и членов его семьи. Эта практика имела давние традиции [19, с. 68, 71]. Напри-

мер, в 44 г. до н.э. Юлий Цезарь послал молодого Октавиана совершенствовать свое образование в Аполлонию, последнего, очевидно, сопровождали как молодые люди его возраста, такие как Агриппа, так и зрелые, такие как Сальвидиен Руф (Nic. Damas. *De vita Caes. Aug.* VII (16); Vel. II. 59. 4–5) (см. [20, с. 327, прим. 200]). И далее, когда в 14 г. сын Тиберия и генерал Друз Младший отправился в Паннонию, чтобы умиротворить вспыхнувший там военный мятеж, его сопровождали несколько эквитов: Луций Апоний *eques Romanus ex cohorte Drusi* (Тас. *Ann.* 1. 29), возможно, личный друг Друза, и, *ex officio*, префект претория Элий Сеян, *amicus Augusti, rector iuuenis (Drusi)* (Тас. *Ann.* 1. 24). Это тот самый Сеян, который затем сопровождал Тиберия в Кампанию в 26 г. Свита Тиберия состояла тогда из одного сенатора – юриста Кокцея Нервы, двух эквитов – Сеяна и Курция Аттика и *ceteri liberalibus studiis praediti, ferme graeci, quorum sermonibus levaretur* (Тас. *Ann.* IV. 58) – «Разные ученые люди, почти все греки, чтобы было с кем развлечься беседой» (пер. А.С. Бобовича). Присутствие последних говорит об относительности понятия *cohors amicorum* в этот период.

Однако не стоит сводить вопрос о *cohors amicorum* к проблеме ближнего круга императора. В ряде случаев могло подразумеваться более широкое окружение, иногда имевшее довольно массовый характер. Так, интересная трансформация подобного окружения императора имела места в правление Нерона. Из его театральных клакеров – тоже своего рода «спутники» принцепса – было учреждено подобие гражданской гвардии. Ее составили пять тысяч молодых эквитов, которых стали называть августианцами. Они должны были всюду сопровождать принцепса, создавая тому видимость всеобщей поддержки (Тас. *Ann.* XIV. 15; Suet. *Ner.* 20. 3; Dio LXI. 20. 3). Можно полагать, что весь корпус *augustiani* мыслится в качестве императорских *comites* [11, р. 748].

Таким образом, принцепс был окружен группой, иногда целой толпой (как в случае Нерона), преданных (до определенного момента) *amici*, которые следовали за ним в его военных кампаниях, деловых поездках и путешествиях. Наиболее доверенные из них, составляя ближний круг, выступали в качестве советников императора. Взрослые сыновья принцепсов и племянники также сопровождались *cohors amicorum*. Например, окружение Германика, когда он отправился на Восток командовать там войсками, обозначается в источнике с помощью слова *comitatus*: *Vitellius ac Veranius ceterique Germanicum comitatus* (Тас. *Ann.* III. 10) – «Вителлий, Вераний и другие находившиеся при Германике» (пер. А.С. Бобовича).

Тем не менее следует отметить, что не только у принцепсов и других взрослых членов императорской семьи, которым поручалось командование легионами, а также управление самыми важными провинциями, была своя *cohors amicorum*. Женщины императорской фамилии тоже располагали своим особым кругом доверенных лиц [21, р. 64]. Так, дед императора Отона, эквит, возвысился, будучи членом свиты Ливии, жены императора Августа (Suet. *Otho* 1. 1–2). Мы можем также упомянуть в окружении Мессалины, жены императора Клавдия, двух эк-

витов, «носивших фамильное имя Петра» которые поплавились в результате её падения (Тас. *Ann.* XI. 4). Затем к числу приближенных Мессалины относятся всадники Секст Травл Монтан (Тас. *Ann.* 11. 36; Sen. *Apol.* 13), Марк Гельвий, Котта и Фабий (Sen. *Apol.* 13), Тиций Прокул (Тас. *Ann.* XI. 35), Помпей Урбик (Тас. *Ann.* XI. 35) и, наконец, Ветгий Валент, также принадлежавший к всадническому окружению Мессалины (Plin. *Maï. N.H.* XXVIII. 8; Тас. *Ann.* XI. 35). Среди *amici* Агриппины Младшей, матери Нерона, особым доверием пользовался эквит Креперей Галл (Тас. *Ann.* XIV. 5). Поппея Сабина, жена Нерона, в свою очередь, способствовала карьере всадника Гессия Флора (Тас. *Hist.* V. 10; Ios. *B. Iud.* II. 14. 2), мужа её подруги Клеопатры (PIR²G 170).

В подражание фамилии принцепса некоторые сенаторы и наиболее влиятельные из эквитов находились в центре целой сети связей, более или менее значимых в качестве средства демонстрации их высокого положения. Например, известно о помпезном возвращении в Рим в 20 г. Гнея Кальпурния Пизона, военачальника и друга императора Тиберия, консула 7 г. до н.э. По сообщению Тацита, он высадился в сопровождении толпы друзей и клиентов, которые демонстрацией своей лояльности Пизону должны были тем самым показать его значимость (Тас. *Ann.* III. 9).

Иначе говоря, близость того или иного лица к императору обеспечивала такому *amicus* возможность иметь собственную *cohors amicorum*. Так, по поводу возвращения императора Тиберия в сопровождении Сеяна с острова Капри в 28 г. Тацит пишет: *Eo venire patres, eques, magna pars plebis, anxii erga Seianum cuius durior congressus atque eo per ambitum et societate consiliorum parabatur* (Тас. *Ann.* IV. 74) – «Туда устремились сенаторы, всадники и много простого народа; все особенно трепетали перед Сеяном, доступ к которому был более затруднителен, и поэтому добиться его можно было лишь посредством искательства и готовности служить его замыслам» (пер. А.С. Бобовича). Недостатка в тех, кто готов был «служить замыслам» Сеяна, явно не было. И это объяснимо: о том, сколь полезно иметь влиятельных друзей, пишет Сенека (Sen. *Ep.* 19. 3). Действительно, Сеян, пользуясь доверием императора, по своему усмотрению раздавал *honores* и *provinciae* своим высокородным «клиентам» (Тас. *Ann.* IV. 2). Закономерно, что у могущественного командира преторианской гвардии было много зависевших от него *amici* из числа всадников (Тас. *Ann.* IV. 40; 41). И их должно быть тем больше, чем активнее эквиты вовлекались в провинциальное управление (см. [22, с. 124]), чему Сеян вполне мог способствовать, судя по приведенным словам Тацита.

Следует отметить, однако, что обозначение *cliens* («клиент») не предназначалось членам высших *ordines*, кроме как с особым намерением, как, например, у Тацита, клеймящего *amici* Сеяна из числа сенаторов и всадников (Тас. *Ann.* IV. 2). Р. Саллер убедительно продемонстрировал, что понятие *cliens* было зарезервировано «для скромных представителей низшего класса» [21, р. 9–11]. Тем не менее П. Вейн полагает, что некоторые всадники и даже сенаторы из почтения к влиятельному покровителю могли

называть себя его клиентом [23, p. 696]. Он цитирует пассаж Тацита, в котором Веспасиан именуется в качестве лица, некогда бывшего *Vitellii cliens* (Тас. *Hist.* III. 66). Однако в действительности здесь приведена косвенная речь римского автора, где Тацит сообщает мнение друзей Вителлия, которые отговаривали того от соглашения с конкурентом в борьбе за императорскую власть. С другой стороны, в современной науке римская клиентела трактуется несколько шире, что делает возможным использование такого понятия, как «войсковая клиентела» [24, с. 248]. Однако это все-таки не дает нам оснований считать всадников, а тем более сенаторов, теми, кто, составляя *cohors amicorum* даже самого императора, были *clientes* последнего в юридическом смысле.

Как было сказано выше, дружба даже с членами императорской фамилии могла таить опасность, что мы видели на примере окружения Мессалины. Внутрисемейная борьба за власть грозила поставить под удар всех этих *amici* и *comites* соответствующего участника такой борьбы. Эквит Юлий Денс также едва не поплатился жизнью за свою верность Британнику (сыну императора Клавдия), в окружении которого он состоял, и поэтому оказался неугоден сводному брату Британника Нерону (Тас. *Ann.* XIII. 10). Возможно, с еще большей опасностью была сопряжена *amicitia* с высокопоставленным лицом, не являвшимся близким родственником императора. Марк Теренций, всадник, обвиненный в том, что он состоял в окружении Сеяна, потерявшего доверие императора и казненного в 31 г., оправдывал себя тем, что *ut quisque Seiano intimus, ita ad Caesaris amicitiam ualidus* (Тас. *Ann.* VI. 8) – «всякий, кто был другом Сеяна, тем самым удостоивался расположения принцепса» (пер. А.С. Бобовича). Также и другим всадникам, друзьям Сеяна, были предъявлены обвинения уже после его смерти – Минуцию Терму (Тас. *Ann.* VI. 7), Геминию (Тас. *Ann.* VI. 14), прокуратору Марку Гордеонию (*CIL* VI. 30692; Тас. *Ann.* IV. 58; VI. 10) [25, s. 129].

Можно констатировать, что в ранней Римской империи сложились, частично формализовавшись, кланы и группировки, в которых пересекались сложные отношения. Высокопоставленные сенаторы и высшие администраторы всаднического ранга были окружены эквитами, которые подобным путем укрепляли собственное положение – поднимались по социальной лестнице, иногда попадая в ряды сенаторов, делали карьеру, приобщались к власти путем включения в *cohors amicorum*, например, на правах советников. Более того, подчиняясь, как и все другие члены общества, этой системе отношений, которая накладывалась на традиционную политическую организацию, эквиты тем более принимали ее, что они составляли лишь *secundus ordo*, т.е. второй социальный страт после сенаторской аристократии. Они часто нуждались в поддержке представителей высшей знати, традиционно рассматривавшейся как имевшей исключительные права на полноценный *cursus honorum*. Если мы попытаемся представить римскую социальную действительность, мы увидим существование иерархий, которые были структурированы по одной и той же модели: вокруг сильных мира сего –

сенаторов, наиболее влиятельных из эквитов и даже некоторых императорских вольноотпущенников – простирался широкий круг прежде всего представителей всадничества, ожидавших от покровителя не хлеба насущного, как клиенты в собственном смысле слова, а рекомендаций и покровительства в карьерных делах, которые от личных отношений зависели, пожалуй, больше, чем от деловых качеств соискателя [26, с. 330]. Таким образом, влияние *principes civitatis* («лучших граждан») измерялось количеством и значимостью *amici* и *comites*. Однако и сами «лучшие» занимали такое же положение по отношению к императору, главному распределителю *beneficia*. Преимуществом в их получении в первую очередь пользовалась *cohorta amicorum* самого императора, но затем и «когорты друзей» каждого из влиятельных лиц, окружавших принцепса.

Список литературы:

1. Межеричкий Я.Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 992 с.
2. Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. 656 с.
3. Смирнова Е.Л. Флавии и всадническое сословие // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2016. № 16–1. С. 101–116.
4. Крист К. История времен римских императоров от Августа до Константина. В 2 т. Т. 1 / пер. с нем.: Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1997. 576 с.
5. Millar F. The Emperor and the Roman World. London: Duckworth, 1977. 656 p.
6. Crook J. Consilium principis. Imperial Councils and Counsellors from Augustus to Diocletian, Cambridge: University Press, 1955. 198 p.
7. Saller R.P. Promotion and patronage in equestrian careers // Journal of Roman Studies. 1980. Vol. 70. P. 44–63.
8. Alföldy G. Die Stellung der Ritter in der Führungsschicht des Imperium Romanum // Chiron. 1981. Bd. 11. S. 169–215.
9. Taylor L.R. Party politics in the age of Caesar. Sather classical lectures. Vol. XXII. Berkeley and Los Angeles: University of California Press; London: Cambridge University Press, 1949. 255 p.
10. Brunt P.A. «Amicitia» in the Late Republic // The Crisis of the Roman Republic / ed. by R. Seager. Cambridge: Heffer, Barnes & Noble, 1969. P. 199–218.
11. Demougin S. L'ordre equestre sous les Julio-claudiens. Rome: Ecole Française de Rome, 1988. 923 p.
12. Syme R. Some friends of the Caesars // Roman Papers. Vol. I / ed. by E. Badian. Oxford: The Clarendon Press, 1979. P. 292–299.
13. Syme R. The Roman revolution. Oxford: Clarendon Press, 1939. 568 p.
14. Mommsen T. Zur Lebensgeschichte des Jüngeren Plinius // Hermes. 1869. Bd. 3, hft. 1. S. 31–139.
15. Pflaum H.-G. La Gaule et l'Empire romain, études épigraphiques (Scripta Varia II). Paris: L'Harmattan, 1981. 469 p.
16. Cotton H.M. Documentary letters of recommendation in Latin from the Roman Empire. Königstein im Taunus: Anton Hain, 1981. 54 p.
17. Demougin S. Prosopographie des chevaliers romains Julio-Claudiens (43 av. J.-C. – 70 ap. J.-C.). Rome: École française de Rome, 1992. 719 p.
18. Syme R. History in Ovid. Oxford: Clarendon Press, 1978. 240 p.

19. Смышляев А.Л. Римский наместник в провинциальном городе: стиль управления в эпоху принципата // Древнее право. 2006. № 1 (17). С. 65–72.

20. Малые римские историки. Веллей Патеркул. Римская история. Анней Флор. Две книги Римских войн. Луций Ампейлий. Памятная книжица / пер. с лат.; изд. подгот. А.И. Немировским. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1995. 387 с.

21. Saller R.P. Personal patronage in the Early Roman Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 222 p.

22. Телепень С.В. Римские всадники во главе провинциального управления // Современная научная мысль. 2020. № 4. С. 119–125.

23. Veune P. Le pain et le cirque: sociologie historique d'un pluralisme politique. Paris: Ed. du Seuil, 1976. 896 p.

24. Махлаюк А.В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб.: Изд. СПбГУ; Изд-во «Акра», 2006. 440 с.

25. Pekary Th. Tiberius und der Tempel der Concordia in Rom // Romische Mitteilungen. 1967. № 73/74. S. 105–133.

26. Парфенов В.Н. Домициан и его «генералиет» // История: мир прошлого в современном освещении: сб. науч. ст. к 75-летию со дня рожд. профессора Э.Д. Фролова / под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. С. 327–336.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
<p>Телепень Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и обществоведческих дисциплин; Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина (г. Мозырь, Гомельская область, Республика Беларусь). E-mail: telepen_serg@mail.ru.</p>	<p>Telepen Sergey Valeryevich, candidate of historical sciences, associate professor of History and Social Sciences Department; Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin (Mozyr, Gomel Region, Republic of Belarus). E-mail: telepen_serg@mail.ru.</p>

Для цитирования:

Телепень С.В. Всадническая *cohors amicorum* в системе социальных связей ранней Римской империи // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 2. С. 183–188. DOI: 10.55355/snv2022112205.